
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.11-112

DOI 10.5281/zenodo.15412000

Бровина А.В.

Бровина Анна Викторовна, кандидат филологических наук, Югорский государственный университет, Россия, 628011, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16. E-mail: a_brovina@mail.ru.

К вопросу об интертекстуальности

Аннотация. Статья посвящена вопросу феномена интертекстуальности в литературной теории, исследующей взаимосвязь между текстами. Декомпозиция термина на составляющие «интер» и «текст» объясняет его суть, заключающуюся в связи текста с другими текстами. Согласно концепции интертекстуальности тексты не существуют в изоляции, а взаимодействуют друг с другом, создавая смысловые связи и контексты. Каждый текст взаимодействует с другими текстами через цитаты, аллюзии и парафразы, создавая сеть значений, являясь узлом в сети уже существующих текстов. Интертекстуальность нацелена на глубокое понимание произведения через знания о других текстах с учетом времени, места и культурного контекста. В статье представлены основные положения и разработки теории интертекстуальности.

Ключевые слова: интертекстуальность, текст, диалогизм, полифония, контекстуальность.

Brovina A.V.

Brovina Anna Viktorovna, Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Ugra State University, Russia, 628011, Khanty-Mansiysk, Chekhov str., 16. E-mail: a_brovina@mail.ru.

On the issue of intertextuality

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of intertextuality in literary theory, which examines the relationship between texts. The decomposition of the term into the components "inter" and "text" explains its essence, which consists in the connection of the text with other texts. According to the concept of intertextuality, texts do not exist in isolation, but interact with each other, creating semantic connections and contexts. Each text interacts with other texts through quotations, allusions and paraphrases, creating a network of meanings, being a node in a network of already existing texts. Intertextuality is aimed at a deep understanding of a work through knowledge of other texts, taking into account time, place and cultural context. The article presents the main provisions and developments of the theory of intertextuality.

Key words: intertextuality, text, dialogism, polyphony, contextuality.

Современные ученые уделяют пристальное внимание изучению вопроса интертекстуальности, продолжая исследования не одного поколения лингвистов в установлении единого мнения о происхождении и дефиниции термина. Многие лингвисты, искусствоведы, культурологи посвятили свои работы исследованию данного явления. Научные дискуссии продолжаются с конца 60-х годов прошлого столетия с введения в литературный обиход термина «интертекстуальность» и представляют собой смесь бесчисленных, по-разному акцентированных дискуссий и теоретических подходов. Автором является болгарская исследовательница Юлия Кристева. На основе концепции теоретика русского языка и литературы М. М. Бахтина о диалогичности, ею был введен в 1987 году в литературоведение данный термин и впервые разработана теория интертекстуальности.

Ю. Кристева в своем эссе «Бахтин, слово, диалог и роман» подробно исследует концепцию диалогичности М. Бахтина. Исследователь одним из первых заменил статическое разложение текстов моделью, в которой литературная структура возникает только из отношения к другим контекстам. Эта динамизация структурализма становится возможной только благодаря концепции, согласно которой происходит наложение слоев текста текущего или предшествующего контекстов. Основная идея М. Бахтина заключается в том, что язык – это коммуникативно-ориентированный, динамичный процесс, бросающий вызов контрпредложению. Применительно к литературе диалогичность означает, что любой текст является результатом диалога, в котором слышны голоса других авторов, культур и эпох. Каждое высказывание не изолировано, а постоянно взаимодействует с предшествующими и последующими текстами. М. Бахтин называет полифонический роман «микрокосмом реальности», подчеркивая, что в некоторых произведениях, например, у Достоевско-

го каждый персонаж имеет свой уникальный голос и точку зрения, что создает многоголосие – объединение «социоидеологических голосов эпохи» [2, с. 290]. С другой стороны, важным элементом диалогичности является «другой» – тот, с кем происходит взаимодействие. Это может быть как реальный собеседник, так и абстрактный читатель или слушатель. Схема диалога строится как «противостояние человека человеку, как противостояние «я» и «другого»» [3, с. 440]. М. Бахтин акцентирует внимание на том, что значение слова или текста всегда зависит от контекста, в котором они используются. Это контекст может включать культурные, исторические и социальные факторы. Далее Бахтин переводит свою концепцию диалогичности в идеологически критический подход, который становится понятным, особенно на политическом и культурном фоне русской революции. Бахтин считает монологичность и диалогичность не только основными принципами литературных жанров, но и основными принципами общественных структур.

Такая тесная взаимосвязь текста, языка и общества в трудах М. Бахтина явилась центральной отправной точкой для собственной теории текста Ю. Кристевой. Данное явление было обозначено как способ построения «диалога» с другими текстами: «...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь текста» [6, с. 436]. По сути, это референциальное отношение между двумя текстами, «когда один текст каким-то образом ссылается на другой». По мнению Ю. Кристевой, интертекстуальность является составной частью суммы всех печатных текстов, образующих культурное наследие. В результате переосмысления теории диалогичности М. Бахтина на смену понятию интерсубъективности пришло понятие интертекстуальности. Ю. Кристева радикально расширяет понятие текста, определяя интертекстуальность как общее и изначально

присущее всем текстам свойство. Интертекстуальность включает в себя весь запас социокультурного знания, частью которого является каждый текст, на который ссылается каждый последующий текст, из которого возникает каждый следующий текст и в котором он также снова растворится.

Основные постулаты теории Ю. Кристевой можно обозначить следующим образом:

1. Каждый текст взаимодействует с другими текстами через цитаты, аллюзии и парафразы, создавая сеть значений.

2. Интертекстуальность влияет на восприятие текста читателем. Понимание одного текста может зависеть от знаний о других текстах.

3. Тексты формируются в определённом культурном контексте, который также влияет на их значение.

4. Значения текстов не статичны; они могут изменяться в зависимости от времени, места и культурной ситуации.

Таким образом, автор определяет суть теории интертекстуальности через связь текстов, чтение и интерпретацию, культурный контекст и динамичность значений. В такой интерпретации любой текст необходимо рассматривать в совокупности с предшествующими ему текстами с учетом всех смысловых систем и культурных кодов.

В основе теории Ю. Кристевой также лежат исследования Ф. де Соссюра о языке как универсальной знаковой системе, имеющей вследствие этого четко выраженную структуру и идеи Р. Барта, связывающего определение интертекстуальности с «философией множественности», где «... каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях... Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат...» [1, с. 112]. Ф. де Соссюр не говорил об интертекстуальности напрямую и не использовал данный термин, но его идеи о языке, знаках и значениях создали основу для понимания этой концепции в литературе и лингвистике. Соссюр утверждал, что

язык – это система знаков, где значение слова возникает не в изоляции, а в контексте других знаков, это создает возможность для интертекстуальности, поскольку текст всегда взаимодействует с другими текстами. Интертекстуальность, согласно Р. Барту, характеризуется наличием в тексте цитат, аллюзий, формул, структур – межтекстовых отношений, необходимых для возникновения нового текста. Барт определяет текст как «паутину цитат из разных культур» [1, с. 190]. Он подчеркивает, что значение текста создается не только автором, но и читателем. Читатель привносит свои собственные интерпретации и контексты, что делает каждое прочтение уникальным. Поэтому каждый текст рассматривается как интертекст, своего рода виртуальное пространство, в котором реализуется текстовая коммуникация. В этом смысле каждый текст следует рассматривать как реакцию на предыдущий текстовый конструкт и в то же время как основу для будущих текстов. Решающим фактором является уже не пишущий субъект, а взаимосвязь текстов друг с другом. Таким образом, Ролан Барт приходит к выводу: «Текст представляет собой переплетение цитат из бесчисленных памятников культуры. [...] писатель может подражать только жесту, который всегда совершался, никогда не был оригинальным. Его единственная сила состоит в том, чтобы смешивать и сопоставлять написанное, никогда не опираясь ни на одно из них» [1, с. 190]. По его мнению, текст больше нельзя расшифровать, его можно только распутать, т.е. его нельзя интерпретировать, ему нельзя придать смысл, задуманный автором, потому что собственная динамика текстовых ссылок ускользает от возможностей автора, ему приходится постоянно противостоять, но его можно воспринимать только как конструкцию, а его составные части распознавать приближенно. Это дает читателю гораздо более важную функцию, поскольку текст создается в процессе чтения. Так, Барт говорит: «Единство текста заключается не в его происхождении, а в

его целевой точке – причем эта целевая точка больше не может пониматься как один человек. Читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии. Он всего лишь тот, кто объединяет в одном поле все следы, составляющие написанное. За рождение читателя приходится расплачиваться смертью автора» [1, с. 190]. Формулировка Р. Барта, по мнению большинства современных теоретиков, в контексте данного вопроса является общепринятой.

Большая роль отведена интертекстуальности в трудах представителей Тартуско-Московской семиотической школы. Явление рассматривается как взаимосвязь текстов и влияние одного текста на другой, наличие взаимодействий между текстами обозначается термином «текст в тексте», что также напрямую соотносится с понятием «интертекст» [8]. Яркий представитель школы, литературовед и культуролог Ю. М. Лотман отмечает, что «созданный автором текст оказывается включенным в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщенных опытом предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровать информацию, заключенную в тексте» [7 с. 410]. Текст воспринимается не как изолированный объект, а как часть широкой сети значений, где каждый элемент связан с другими. Значение текста формируется не только его содержанием, но и культурными, историческими и социальными условиями, в которых он создан и воспринят. Важную роль в создании смысла играет читатель, взаимодействуя с текстом и другими текстами, что приводит к многообразию интерпретаций. Интертекстуальность в рамках данной школы подчеркивает динамичность и многослойность текстов, а также их зависимость от культурного контекста.

Российский лингвист и семиотик Ю. Н. Караулов рассматривает концепцию интертекстуальности как важный аспект

литературного анализа и языковой практики. Автор критикует традиционные методы анализа, которые игнорируют взаимосвязь текстов, и предлагает новый взгляд на понимание литературы и языка, подчеркивая, что интертекстуальность не ограничивается только литературой, но также охватывает различные формы коммуникации, включая медиа и повседневные разговоры. Он рассматривает, как тексты взаимодействуют друг с другом, и как читатели интерпретируют эти связи, а именно, чтобы читателю «понять какую-нибудь фразу или текст означает, «пропустив» ее через свой тезаурус, соотнести со своими знаниями и найти соответствующее ее содержанию «место» в картине мира» [5, с. 172].

Научное сообщество до сих пор часто дает определения интертекстуальности и интертекста, основываясь на отдельных аспектах данных явлений, отмечая отсутствие видимого разграничения между ними, при этом указывая на их синонимичность [4]. При обсуждении концепции интертекстуальности проблематизируются три аспекта:

1. Концепция интертекстуальности основана на противоречивых научно-теоретических, философских и идеологических позициях постструктурализма. Примером являются теории М. Бахтина, однако такого рода философские и идеологические последствия присущи не только теории интертекстуальности, но и интертекстуальной практике в целом.

2. Второй аспект связан с практическим применением терминологии, большая часть исследователей стремится установить, критически осмыслить и интерпретировать в последующих текстах отсылки на претексты. Здесь также проявляется влияние М. Бахтина, в частности, его диалогизм, подчеркивающий взаимодействие между различными голосами и точками зрения как противопоставление монологическому подходу.

3. Существуют возражения, согласно которым взаимосвязь «текст-текст» были установлены задолго до появления кон-

цепции интертекстуальности, а само понятие не принесло заметных изменений, стало лишь модным термином и заменило обычные термины – цитату, аллюзию, перифраз и т. д.

Признавая, что тексты ссылаются друг на друга и опыт авторов влияет на их собственное текстовое творчество, можно предположить, что тексты – это произведения искусства, не созданные из ничего, это сложные, многослойные составные части множества разных текстов. Тексты всегда основаны на опыте чтения их авторов и всегда, сознательно или бессознательно, связаны с многочисленными другими текстами и их соответствующими смысловыми системами. В данном

контексте перспективными являются исследования, отвечающие на вопросы, во-первых, как и каким образом происходит заимствование текстов – на какие тексты ссылаются авторы (жанры, материалы и тд.), заимствована ли структура в целом или только отдельные элементы, является ли заимствованный элемент ссылкой на текст в явном виде или скрытом, поддерживает ли автор цитируемую позицию, критикует, иронизирует или улучшает таким образом свой собственный текст, а также, сто по нашему мнению, является крайне важным, как читатель воспринимает и интерпретирует такие тексты, как соотносит с собственным опытом и какие последствия это имеет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. М.: АСТ, 2024. 448 с.
4. Дреева Д. М. К проблеме дефиниции понятия «интертекстуальность» / Д. М. Дреева, Т.А. Болатов // Социосфера. 2022. № 2. С. 39.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов. М.: Ленанд, 2024. 264 с.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Бахтин, Ю. Кристева // Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427-457.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. М.: Эксмо, 2023. 448 с.
8. Петрова, Н. В. Экскурс в историю теории интертекстуальности / Н. В. Петрова, Е. Б. Лашина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 2. № 19. С. 11-13.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bart, R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika / R. Bart. – M.: Progress, 1989. 616 s.
2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bahtin. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
3. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo / M. M. Bahtin. M.: AST, 2024. – 448 s.
4. Dreeva, D. M. K probleme definicii ponjatija «intertekstual'nost'» / D. M. Dreeva, T.A. Bolatov // Sociosfera. 2022. № 2. S. 39.
5. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. / Ju.N. Karaulov. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.
6. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k post-strukturalizmu / Bahtin, Ju. Kristeva // Per. s franc., sost., vstup. st. G. K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000. – S. 427-457.
7. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta / Ju. M. Lotman. M.: Jeksmo, 2023. – 448 s.
8. Petrova, N. V. Jekskurs v istoriju teorii intertekstual'nosti / N. V. Petrova, E. B. Lashina // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. T. 2. № 19. S. 11-13.

Поступила в редакцию: 27.03.2025.

Принята в печать: 22.05.2025.